

у Бальзака и в акварелях Лами. Равным образом, когда мы читаем греческую трагедию, наши первые усилия должны быть направлены к тому, чтобы представить себе греков, то есть людей, которые живут полупагами в своих гимназиях или на публичных площадях под светлым небом, имея перед глазами чудные виды; они заняты общением своим телу силы и ловкости, болтовней, прениями, подачей голосов или патриотическим пиратством; в остальном — праздные и воздержные, они имеют в доме три кружки для мебелировки и два анчоуса в глиняном горшке, палочешном маслом; им служат рабы, благодаря которым у них остается много свободного времени для украшения своего духа и упражнения своих членов; у них нет другой заботы, кроме желания иметь у себя самый красивый город, самую прекрасную профессию, самые прекрасные идеи и самых красивых людей. Все это растолкует вам больше, нежели множество диссертаций и комментариев, одна статуя, как Мелеагр или Тезей в Парфеноне, или, еще лучше, вид сияющего голубого Средиземного моря, эта шелковая туника, из которой выплывают острова, как куски мрамора; и к этому возьмите каких-нибудь двадцать мест, выбранных у Шлагона и Аристофала. Равным образом, чтобы понять индийскую *пурану*, пащите с того, что представьте себе отца семейства, который, «увидев сына на коленях сына», удаляется по закону в пустыню с секирой и сосудом, под банановое дерево на берегу ручья, перескакивает говорить, удваивает посты, живет нагином между четырех огней, имея над собой пятый огонь, — я подразумеваю палящее солнце, которое беспрерывно пожирает и воспроизводит живые существа. По очереди и целыми неделями он вперяет свой взор на ступню Браммы, потом на его колено, лядвею, пуп и так далее, пока в результате усилий напряженного воображения не появятся галлюцинации, пока все формы существующего, перемешавшись и слившись друг с другом, не заколеблются в этой голове, одержимой кружением, и пока неподвижный человек, сдерживая дыхание, вперив свой взор, не увидит, как вселенная, наподобие дыма, исчезнет над всеобщем по-

пшим и бессодержательным существом, в котором он ищет распусться сам. В этом отношении путешествие по Индии было бы всего назидательнее; но за недостатком лучшего оно может быть заменено рассказами путешественников, географическими сочинениями, боташикой и этнологией. Во всяком случае, прием исследования должен быть тот же. Язык, кодексы, законодательный и религиозный, есть не что иное, как абстракты; полнота заключается в человеческом действии, в человеческом физическом и осязательном, который ест, ходит, борется, работает; оставьте в стороне теории конституций и их механизм, теории религий и их систему, а постарайтесь увидеть людей в их мастерских, в их конторах, за плугом на полях, вместе с их небом, почвой, домами, одеждой, привычками, пищей, как вы то делаете, высалившись в Англии и Италии, когда вы всматриваетесь в лица и телодвижения, глядите на тротуары и таверны, на горожанина, как он прогуливается, на мастерового, как он пьет. Вся наша работа должна быть направлена к тому, чтобы по возможности всякое наблюдение было бы для нас очевидно, лично, непосредственно и осязательно, хотя бы оно относилось и к прошедшему: это единственный путь к познанию человека; сделаем же прошлое настоящим; чтобы судить о каком-нибудь предмете, постараемся, чтобы он был нам присутствующим; отсутствующее не может подлежать наблюдению. Конечно, такое воспроизведение прошедшего всегда останется неполным; оно приведет к незаконченным суждениям; но надобно покориться этому неудобству; лучше познание недов совершенное, чем пустое или ложное, а нет средства постигнуть до некоторой степени деятельность прошедшего времени, как до некоторой степени *увидеть* людей тех эпох.

Но это только первый шаг в истории; его сделали в Европе при возрождении творческого воображения в конце прошлого столетия, благодаря инициативе Лессинга, Вальтера Скотта; во Франции, несколько позже, пошли тем же путем Шатобриан, Августин Тьерри, Мишле и многие другие. Но вот еще второй шаг.